

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РЕАБИЛИТАЦИЯ РЕЛЯТИВИЗМА

Ракитов Анатолий Ильич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр., 51/21; e-mail: rakit1@yandex.ru

Проблема рациональности знаний и предметно-практической деятельности особенно широко обсуждалась во второй половине XX и начале XXI в. Особый интерес вызывала научная рациональность. Сторонники концепции постнеклассической науки считают, что она фиксирует не только состояние объективной реальности и предметной практики, но и культурные, исторические и ценностные характеристики человеческой деятельности и ее отражение в эпистемологии и философии науки. В статье оспаривается эта позиция. Автор соглашается с исследователями, скептически относящимися к методологической, социальной, предметно-практической и эпистемологической значимости понятия «рациональность» и к рационализму как ее обоснованию. Структурно четкая, формализованная схема науки и научного исследования в виде эпистемологического квадрата позволяет считать, что более адекватное обоснование структур и процессов научного исследования дают концепции релятивности и релятивизма. На ряде примеров из области естественнонаучного и социального познания автор показывает, что релятивность присуща всем сложным когнитивным системам. В этом отношении релятивизм в широком философском смысле выступает как концепция, подчеркивающая, что знания – от обыденных до научных – содержат в себе большой элемент условности, конвенциональности. Это создает большой простор для свободы выбора научных гипотез, моделей объяснения и предвидения. Релятивизм не приводит автоматически к агностицизму и субъективизму. Он открывает большее пространство для свободы интеллектуального творчества. В этом отношении квалификация философского и эпистемологического релятивизма как опасности для науки неадекватна. Автор считает, что всесторонний анализ эпистемического потенциала релятивизма мог бы стать важным вопросом для широкого обсуждения специалистами в области эпистемологии и философии науки.

Ключевые слова: рациональность, рационализм, эпистемологический квадрат, релятивность, релятивизм

RATIONALITY AND THE REHABILITATION OF RELATIVISM

Anatoliy Rakitov – DSn in Philosophy, chief research fellow. Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Science. 51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: rakit1@yandex.ru

The problem of the rationality of knowledge and subject-practical activities were widely discussed in the second half of XX and early XXI century. Special attention was attracted to scientific rationality. Supporters of the concept of *post-non-classical science* consider that it captures not only the status of objective reality and subjective practice, but some cultural, historical and value characteristics of human activity and its reflection in epistemology and philosophy of science. The author aims to challenge this position. He agrees with the researchers who are skeptical concerning methodological, social, subjective, material and epistemological significance of the concept of “rationality”,

and rationalism itself as its basis. The concept of epistemological square suggests structurally clear, formalized scheme of science and scientific research and shows that concepts of relativity and relativism provide as a rule more adequate basis for structures and processes of scientific research. Some examples from natural and social sciences show that relativity inherent to all complex cognitive systems. Relativism in a broad philosophical sense is a concept that emphasizes that knowledge as ordinary as scientific contains a significant element of tradition and conventionality. This creates greater scope for freedom of choice of scientific hypotheses, models of explanation and prediction. Relativism does not automatically lead to agnosticism and subjectivism. On the contrary it opens a greater space for freedom of intellectual creativity. So the qualification of the philosophical and epistemological relativism as a danger for science is inadequate. The author believes that a comprehensive analysis of the epistemic potential of relativism could become an important issue for discussion by experts in the field of epistemology and philosophy of science.

Keywords: rationality, rationalism, epistemological square, relativity, relativism, properties and relations

Единственное, пожалуй, общепризнанное заключение по поводу проблемы рациональности состоит в признании ее дискуссионности.

И.Т. Касавин

Дав своему питомцу порезвиться, дрессировщик из собачьего питомника отдает короткую команду: «Ко мне!». Пес немедленно поворачивается к нему, подбегает справа, обходит вокруг со спины и останавливается слева так, чтобы его грудной киль находился на уровне левого колена дрессировщика. И команда, и ее исполнение точно соответствуют принятым в служебном собаководстве стандартам и правилам. На этом основании человек, наблюдающий за действиями дрессировщика и собаки, может сказать, что и команда дрессировщика, и поведение собаки вполне рациональны. Возможно, он воспользуется термином «разумно», являющимся точным переводом латинского *ratio*. Но каким бы термином ни пользовался наблюдатель, выражения «рациональное поведение», «рациональное действие», «рациональная команда» – означают в данном контексте одно и то же, а именно – что они соответствуют некоторым правилам, стандартам и эталонам деятельности, принятым в определенном сообществе специалистов. В данном случае я выбрал заведомо тривиальный пример. Но в современной литературе по философии науки и эпистемологии термин «рациональность» используется главным образом для оценки и характеристики интеллектуальной и прагматической деятельности профессионалов высшего уровня, ученых, инженеров, политических

деятелей, врачей, юристов, бизнесменов и даже обычных обывателей, принимающих решения и осуществляющих в связи с ними действия, которые маркируются как рациональные или нерациональные, и даже иррациональные, т. е. прямо противоположные рациональным, противоречащие им.

С середины, и особенно со второй половины XX в., человечество вступило на путь непрерывно убыстряющегося научно-технического прогресса (НТП). В конечном счете от него зависит общее благополучие населения Земли в глобальном масштабе. Этот прогресс, как известно, с одной стороны, стимулируется развитием науки и научно-фундированных технологий, а с другой, – сопровождается цепочкой почти непрерывно происходящих экономических, политических и экологических кризисов. Философы, экономисты, политические деятели, социологи и политологи, пытающиеся осмыслить эти процессы, стараются найти алгоритмы оптимальных, сбалансированных, «правильных» решений, которые помогли бы, сохраняя позитивные последствия НТП, избавиться от его негативных последствий. Здесь коренится источник острого интереса философствующей братии к проблеме рациональности. Этим термином обычно маркируют все «хорошее», удачное, целесообразное, соответствующее желаниям и намерениям тех, кто принимает то или иное решение. Термином «нерациональное» маркируют то, что индифферентно по отношению к целям, намерениям и желаниям лиц или групп, принимающих соответствующее решение. И, наконец, термином «иррациональное» обозначают то, что несовместимо с ожидаемым рациональным результатом, противоречит ему и исключает всякую рациональность. При этом главное внимание уделяется проблемам научной рациональности, так как именно ускоренное развитие науки является главным стимулятором НТП.

Любая наука представляет собой систему особым образом построенных знаний, предназначенных для решения определенных проблем. Научное исследование есть деятельность, результатом которой является создание этих знаний. Любая научная дисциплина имеет четырехкомпонентную структуру и образует, если воспользоваться графической аналогией, «эпистемологический квадрат» [Ракитов, 2016]. Для того чтобы читатель мог наглядно представить себе функционирующую научную систему, ему следует представить себе квадрат. Обозначим левую вершину этого квадрата буквой Т (теоретические знания), правую вершину обозначим буквой П (проблемы), нижний угол квадрата – буквой Ф (факты, эмпирические знания) и левый нижний угол – буквой М (метод). Компоненты Т, П, Ф и М соединены двояко заостренными прямыми линиями. Вершины квадрата соединяются также двояко заостренными диагоналями. Двоякая заостренность схематически означает двустороннее движение информа-

ции и знаний от одного компонента к другому. Компонент П включает в себя знания о целях познавательной деятельности в ее предмете и объекте о нерешенных задачах, об ограничениях и условиях, при которых должно осуществляться научное исследование. Компонент Т включает в себя научные законы и гипотезы, а также знания о процедурах объяснения и предсказания изучаемых явлений, процессов и событий. Компонент Ф содержит эмпирические знания, знания о фактах, полученных с помощью научного метода, наблюдений и измерений, результаты которых подвергаются математической обработке. Наконец, компонент М содержит знания о правилах, используемых в исследовательской деятельности, о математических процедурах, применяемых для обработки эмпирических данных и для формулирования законов и гипотез, а также в интеллектуальных схемах, используемых для объяснения и предвидения.

Теперь введем еще два важных понятия – «объект» и «предмет научного исследования». Поставим в точку пересечения диагонали нашего воображаемого эпистемологического квадрата ножку циркуля и начертим две концентрических окружности. Большая окружность символизирует объект данной науки, меньшая – ее предмет. Для пояснения смысла этих понятий я, в качестве примера, сошлюсь на географию. Объект географии – планета Земля. Ее предмет – описание расположенных на ее поверхности материков, островов, гор, плоскогорий, долин, маршрутов рек, форм и очертаний береговых линий рек и озер, описание маршрутов расположенных на поверхности Земли транспортных магистралей, расположение городов и других населенных пунктов и т. д. Объект географии – Земля. Тот же самый, что и у геологии и геофизики, но предметы исследования этих наук более или менее существенно различаются. Чтобы география была полезна для практической деятельности людей, она должна давать максимально полные и объективные знания о своем предмете, используя при этом наиболее современные и точные методы его изучения. Две других науки – геология и геофизика – имеют тот же объект исследования, что и география, но предметы их изучения другие. Геология изучает недра, состав, строение и закономерности развития Земли. А геофизика, представляющая собой комплекс наук, изучает физику океанов, физику вод суши и подземных вод, а также физику атмосферы. Таким образом, имея общий объект, указанные науки различаются предметами исследования.

Теперь посмотрим, какое отношение все это имеет к проблеме рациональности. Так как знания, сосредоточенные в компонентах Т, П, Ф и М всех этих наук более или менее значительно отличаются друг от друга, то, соответственно, их оценка в качестве рациональных предполагает множество различных критериев рациональности. Например, рациональное описание железнодорожных линий в раз-

личных регионах какой-либо страны существенно для экономической географии, пытающейся ответить на вопрос, как повлияют на экономическое развитие региона новые железнодорожные пути, совершенно не имеет общих точек пересечения с критериями рациональности знаний, относящихся к компетенции компонентов Т, П, Ф и М геофизики земной атмосферы. Поэтому обсуждение вопроса рациональности определенных подсистем знаний даже этих трех наук, связанных единством объекта, но различающихся своим предметом исследования, оказывается достаточно сложным. Попытка найти единый критерий рациональности знаний, заключенных во всех эпистемических компонентах перечисленных выше наук о Земле, в большинстве случаев невозможна. А что можно сказать о стремлении найти единую концепцию рациональности, необходимую для соответствующей маркировки знаний, проблем, исследовательских методов и научно установленных фактов, а также теоретических знаний в таких далеко стоящих друг от друга науках, как история Древнего Египта, квантовая механика, астрофизика, литературоведение и т. д.? **Вразумительного** ответа на подобные вопросы в философских исследованиях о рациональности в современной литературе найти невозможно.

Более того, дело осложняется при попытке рассмотрения эволюции понятия «научная рациональность». За последнее время в российской философской литературе значительное распространение получила концепция постнеклассической науки. Вот, что пишет один из авторов этой концепции В.С. Степин о научной рациональности: «*Классический тип научной рациональности*, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности... *Неклассический тип научной рациональности* учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии... *Постнеклассический тип научной рациональности* расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» [Степин, 2000].

Интерпретация научной рациональности, содержащаяся в приведенной цитате, вызывает ряд дополнительных сложностей. Рассмотрим в качестве примера вопрос о рациональности некоторых математических утверждений. Еще из школьных уроков математики всем известна знаменитая теорема Пифагора, утверждающая,

что квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов его катетов. Одной из распространенных интерпретаций рациональности является признак логической доказательности того или иного утверждения. Теорема Пифагора доказана логически безупречно. И поэтому с точки зрения классической научной рациональности в том виде, как она излагается в приведенной выше цитате, она рациональна. Но в то же время она не удовлетворяет требованию постнеклассической научной рациональности, т. к. не связана ни с какими особенностями исторических или национальных культур или различных ценностей, за исключением единственной ценности – логической доказательности.

С другой стороны, известно, что в первой половине XX в. в Германии широкое распространение получила теория абсолютного превосходства арийской расы по отношению ко всем остальным расам и нациям. В пользу арийской теории и оправданию права арийцев на мировое господство было написано множество трудов, претендовавших на строгую научность и доказательность. В то же время еще до поражения гитлеровской Германии во Второй мировой войне было опубликовано немало работ, опровергавших арийскую теорию. Но, вплоть до момента уничтожения гитлеризма, если не у всего населения Германии, то по крайней мере у значительной его части существовало твердое убеждение, что арийская концепция верна, представляет собой высшее выражение арийского духа и соответствует определенным культурным ценностям, является строго научной и уже в силу этого вполне рациональной.

Нетрудно заметить, что если в математических науках понятие «рациональность» является синонимом понятия «логическая доказуемость» или «точность вычислений», то в естественных науках оно является синонимом «эмпирической проверяемости теорий»¹, а в общественно-гуманитарных науках – синонимом целого веера понятий, таких как ценность, культурная детерминация, историческая обусловленность, идеологическая нагруженность, документальная подтверждаемость и т. п. Каждая сформировавшаяся наука строит свой эпистемологический квадрат. Если группу научных дисциплин, имеющих общий объект исследований, но отличающихся своими предметами познаний, можно еще объединить в общий таксон, то объединить все таксоны в некую единообразную целостную систему с общим объектом и предметом исследований просто невозможно. При попытке такого объединения специфика каждой науки и каждого научного таксона просто бы исчезли, и оставалось бы сказать, что

¹ Я считаю, что процедуры верификации и фальсифицируемости не исключают друг друга, а являются дополнительными и используются для определения применимости, частичной применимости или полной неприменимости тех или иных теоретических конструкций.

речь идет о совокупности разнородных знаний, решающих различные проблемы и полученных различными методами, но не более того. Все это, как признают многие авторы, делает невозможным выработку единого понятия рациональности не только в применении к науке, но и к обычной бытовой, экономической, политической, производственной, инженерно-технологической практике.

Поэтому я склонен присоединиться к оценке методологической и шире общефилософской значимости понятия «рациональность», которую дают И.Т. Касавин и З.А. Сокулер. Вот несколько достаточно категоричных высказываний, принадлежащих этим авторам [Касавин, Сокулер, 1989].

1. «Прежде всего, нельзя упускать из виду, что понятие рациональности имеет ярко выраженный оценочный характер. Данное понятие относят только к тому кругу явлений, которые мы склонны принять и оценить положительно, а противоположное понятие – “иррациональное” – к явлениям, которые, напротив, представляются нежелательными, неприемлемыми и заслуживающими отрицательной оценки» [Касавин, Сокулер, 1989, с. 29].

2. «...рациональность можно назвать также и *псевдометодологическим* понятием» [Касавин, Сокулер, 1989, с. 31].

3. «... рациональность является и *псевдосоциальным* понятием, поскольку создает видимость того, что характеризует какую-то определенную социальную структуру в отличие от других, иррациональных» [Касавин, Сокулер, 1989, с. 31].

4. «Рациональность является псевдопредметным понятием, которое может относиться к различным объектам и явлениям, в случае если мы занимаем по отношению к ним аналогичную ценностную установку» [Касавин, Сокулер, 1980, с. 32].

За два с половиной десятилетия, прошедших с тех пор, как была опубликована цитируемая монография, поток публикаций, посвященных проблеме рациональности и в особенности рациональности научной, продолжал расширяться. Д.О. Труфанов в своей работе [Труфанов, 2013] демонстрирует обширную коллекцию определений рациональности, из которой отчетливо следует, что ни одно из них не является универсальным и более или менее точно позиционируется лишь по отношению к ограниченной группе явлений и процессов, образующих предмет исследования какой-то одной научной дисциплины или предмет и объект исследования группы смежных дисциплин. Поэтому я склонен считать совершенно обоснованной позицию В.Н. Поруса, который, после тщательного исследования вопроса о возможности найти однозначное, ясное и эффективное определение рациональности, замечает: «Прежде чем ответить, констатируем терминологическую неопределенность. Ключевое понятие – “рациональность”. Попробуйте отыскать в соответствующей литературе обще-

принятое определение этого понятия!» [Порус, 1999]. В подстрочном примечании к этим словам Порус выносит окончательный вердикт: «Впрочем, в последнее время становится все яснее, что “общепринятого определения” просто не может быть». Я бы даже усилил этот вывод, сказав, что понятия рациональности вообще и научной рациональности в частности являются избыточными. Они лишь добавляют словесный мусор в соответствующие эпистемологические исследования, и без них можно спокойно обойтись, так же как в современной науке обходятся без аристотелевского понятия энтелехии.

Все сказанное выше вплотную подводит меня к проблеме релятивизма. В философском языке термин «релятивизм» чаще всего является страшным клеймом. Релятивизм – враг устойчивых, надежных, стабильных, абсолютно прочных, монолитных систем. В советском догматическом марксизме обвинение в релятивизме было почти что синонимом антинаучности, субъективного идеализма, агностицизма и даже аморализма². Следы достаточно бескомпромиссного и негативного отношения к релятивизму заметны и в недавно вышедшей под редакцией и при авторском участии В.А. Лекторского монографии «Релятивизм как болезнь современной философии» [Лекторский, 2015]. Справедливости ради отмечу, что негативное отношение к релятивизму прослеживается и у многих зарубежных авторов. К. Поппер, например, в известной монографии «Открытое общество и его враги» писал: «Интеллектуальный и моральный релятивизм – вот главная болезнь философии нашего времени» [Поппер, 1992, с. 441]. Однако я считаю полезным отметить, что за последние два десятилетия в России и за рубежом ряд исследователей отмечал, что релятивизм имеет право на существование и даже основание в самой объективной реальности, поскольку она изменяется, развивается, эволюционирует и включает в себя все признаки объективного историзма. В подтверждение я сошлюсь на статью Л.А. Микешиной «Релятивизм как эпистемологическая проблема» [Микешина, 2004]. В этой статье она занимает достаточно либеральную позицию, подчеркивая законное право релятивизма на существование в семье эпистемологических категорий, понятий и методологических схем. Что касается зарубежных авторов, то я сошлюсь на статью извест-

² См., например, §: «Усиление тенденции релятивизма в современной буржуазной общественной теории», «Моральный кризис капитализма и актуализация проблемы этического релятивизма» (Гл. I); «Классификация форм этического релятивизма. Разновидности буржуазной релятивистской моральной теории» (Гл. II) и др. в книге [Пазенок, 1982]. Отголоски негативного отношения к релятивизму встречаются и в трудах современных авторов: «Концепция релятивности, будучи полностью адекватной реальной научной практике, давно замечена и зафиксирована в историко-научных и методологических исследованиях. Никакой угрозы научному познанию она не несет. *Опасным является релятивизм*» [Мамчур, 2004, с. 15 (Курсив мой. – А.Р.)].

ного американского философа П. Богосяна «Что такое релятивизм» [Boghossian, 2010], в которой он рассматривает феномен релятивизма как эпистемологический феномен, имеющий место в реальных научных исследованиях. При этом он отмечает, что релятивизм в гуманитарных исследованиях, например, в этике, и релятивизм в естественнонаучных изысканиях существенно отличаются по их эпистемической нагрузке. Он пишет: «Это связано с тем, что моральный релятивизм и релятивизм в физике только выглядят одинаково, но фактически имеют очень разные логические свойства» [Boghossian, 2010, с. 30]. **Мне кажется, имеются определенные доводы для реабилитации релятивизма как достаточно «работоспособной» эпистемической и прагматической в прямом смысле слова позиции, дающей более адекватное представление о познавательной и предметно-практической деятельности человека.** Когда Протагор утверждал, что человек есть мера всех вещей, он, естественно, не был релятивистом в современном философском понимании этого термина. В самом деле, все виды человеческой деятельности от математических исследований высшей сложности до труда архитектора, зубного врача, сапожника, депутата парламента, космонавта и т. д. осуществляются человеком и во имя удовлетворения его любознательности или потребностей в пище, жилье, одежде, транспортных средствах и т. д. Вещи – от далеких созвездий до предметов повседневного быта, – измеряются и оцениваются с точки зрения того, насколько они удовлетворяют интересам и потребностям человека. И в этом смысле в словах Протагора нет никакого релятивизма, хотя именно их во многих философских энциклопедиях и словарях приводят как первую отчетливую формулировку этого философского понятия. **Я подчеркиваю эпитет «философский», потому что понятия релятивизм и релятивность, употребляемые в современной физике, не обсуждаются в этой статье как узкопрофессиональные понятия. Так что же тогда подразумевает философское понятие релятивизма и почему оно является антиподом понятия рациональности?**

Релятивность не является свойством какой-либо отдельно взятой вещи, обособленного явления или процесса. Если свойство «рациональность», несмотря на свою избыточность, может употребляться теми или иными философами в качестве предиката изолированного феномена или более или менее сложной системы различных явлений и процессов, то релятивность фиксирует само отношение размышляющего или практически действующего субъекта по отношению к предметам или объектам, к его «чистой» рефлексии или к предметам его практической деятельности.

Само понятие «свойство» есть частный случай понятия «отношение», которое на языке формальной логики выступает как многоместный предикат. На языке современной логики многоместный пре-

дикат выступает в виде формулы $P(x_1, x_2, \dots, x_n)$. Когда мы говорим, например, что этот рубин красный, то наше высказывание имеет форму одноместного предиката, фиксирующего определенное свойство – окраску рассматриваемого минерала, и имеет формально-логическую структуру $P(x)$, где место символа P занимает слово «красный», а место переменной (x) занимает слово «рубин». Но в действительности в полном и точном смысле следовало бы сказать, что этот минерал (x_1) воспринимается нами как красный рубин $P(x)$ при условии, что воспринимающий его человек имеет нормальное здоровое зрение и не страдает дальтонизмом (x_2) , что этот минерал рассматривается при ярком солнечном освещении (x_3) и что по минералогической шкале оценки твердости (x_4) он имеет оценку, равную девяти. Если условия, зафиксированные в переменных x_2, x_3, x_4 стабильны, неизменны и, так сказать, автоматически подразумеваются, то остается одноместный предикат $P(x_1)$, который фиксирует некое свойство, а именно красный цвет рассматриваемого минерала. Этот маленький экскурс в область формально-логических представлений в выражении естественных языков позволяет нам лучше понять, что термин «релятивность» всегда подразумевает наличие многоместных предикатов, описывающих отношения между системами явлений и процессов, которые мы изучаем, наблюдаем, рассматриваем или которыми мы манипулируем в процессе нашей деятельности.

Физическая география при описании рельефа местности, например, местности с различного рода возвышенностями, пользуется понятиями «холм» или «гора». Достаточно, однако, заглянуть в простейший учебник географии или в универсальный электронный справочник «Википедия», чтобы узнать, что различия между этими понятиями и обозначаемыми ими явлениями достаточно условны. Холмом называется возвышенность, высота которой не превышает двухсот метров. Все, что выше, относится к классу гор или плоскогорий. Но это разграничение вполне условно. Достаточно было бы, чтобы географы всего мира согласились считать холмами природные возвышения, превышающие триста метров, чтобы в географических описаниях соответствующих местностей произошли заметные изменения. Этот пример показывает условность, релятивность в области географических понятий, но никак не характеризует сами географические предметы как явления объективной реальности. Но вот вам другой пример. Химическое вещество, состоящее из двух атомов водорода и одного атома кислорода, обычно называют водой. Оно имеет формулу H_2O . В зависимости от температуры и давления оно может существовать в трех агрегатных состояниях – твердом, жидком и газообразном. «Твердость», «жидкость», «газообразность» – это уже не результат договоренности, а объективные состояния самого этого вещества. И тем не менее в нем также присутствует элемент релятивно-

сти, т. к. оно зависит от объективных физических условий и с изменением последних агрегатные состояния вещества могут существенно, качественно меняться.

Элемент релятивности, присутствующий в моем географическом и физико-химическом примерах, вряд ли вызовет какую-либо серьезную критику, но релятивность и релятивизм сразу же станут объектом острой критики и негативных оценок, лишь только речь пойдет об этическом, политическом или социальном релятивизме.

Дело в том, что в случае, например, этического релятивизма мы сразу же попадаем в область, которая одновременно находится в зоне компетенции аксиологии. В **основных христианских конфессиях** освещенные церковным бракосочетанием семейные узы считались одной из высших и, так сказать, краеугольных, неколебимых ценностей. В этом смысле релятивизм в вопросах семьи и брака считался недопустимым. Но в наше время победоносный феминизм и общая зыбкость моральных устоев открыли для этического релятивизма широкий проход в область брачных отношений и семейных уз. Вот одна из множества семейных адюльтерных схем. «А» – пожилой, чрезвычайно богатый, влиятельный человек с высоким общественным положением. «В» – его молодая, красивая жена, к которой «А» чрезвычайно привязан, которую он любит. «С» – красивый, высокий, жизнерадостный, веселый и весьма небогатый молодой человек, в которого влюблена «В» и который отвечает ей взаимностью. «В» и «С» вступают в интимную связь. В какой-то момент «В» решает расторгнуть брак с «А» и выйти замуж за «С». Как оценить эту ситуацию с точки зрения стандартной, массовой и личной морали и с точки зрения социально-экономических отношений и интересов участвующих в данной ситуации персонажей? Для «А» уход «В» к «С» и разрыв брака – крайне нежелательное, негативное явление. Для «В», с одной стороны, это положительный акт, т. к. она будет жить с любимым человеком. Но так как по условиям брачного контракта, некогда заключенного с «А», **«В» не имеет прав на имущественные претензии к бывшему мужу** («А», в свое время был достаточно предусмотрителен), то **«В» сильно ухудшает свои социальные и экономические позиции**. Поэтому с этой точки зрения разрыв с «А» для «В» имеет некоторые отрицательные последствия. Для «С» возможность жить легально с любимой женщиной – факт положительный. Так как он не имеет перспективной профессии, умеет веселиться, но не умеет хорошо работать, то чтобы обеспечить благополучие любимой женщины, ему придется сильно напрягаться. И для него новая ситуация в этом отношении, безусловно, отрицательный факт. И это далеко не полный перечень позитивных и негативных оценок и ситуаций, возникающих при данном положении дел. Здесь можно сколько угодно морализировать, но бесспорным остается то, что однозначной оценки ситуация не имеет, и что этический релятивизм имеет основания для своей уместности.

Приведенная мной аргументация, как и лежащие в ее основе примеры, достаточно примитивны, но они позволяют сделать некоторые общие выводы. Так, например, обсуждая вопрос о том, какая возвышенность является холмом, а какая горой, мы можем получить несколько разных ответов. Если геологи и географы придут к согласованному решению считать холмом возвышенность, поднимающуюся на триста пятьдесят метров над уровнем моря, а горой – возвышенность, превосходящую эту величину, то это совершенно условное соглашение. Оно будет иметь своим следствием изменение в обозначениях на географических картах и в путеводителях для туристов, посещающих определенный географический ареал, представляющий собой интересное природное явление. Однако, независимо от принятого обозначения, возвышенность, превышающая триста пятьдесят метров, будет выше в физическом смысле слова возвышенности, не достигшей этой высоты. Терминологическое соглашение относительно обозначения возвышенностей на земной поверхности совершенно условно, а его применение – результат соглашения, достигнутого в сообществе географов и геологов, геодезистов и топографов. Это соглашение – результат привычки, традиции и стремления достичь терминологического единообразия. Но объективная величина возвышенности безусловна. Она, если угодно, абсолютна.

Условность и релятивизм свойственны большинству форм индивидуального и группового поведения. Некоторые формы такого поведения носят устойчивый характер, и во многих социумах их оценка и практическая применимость сохраняется на протяжении многих столетий и даже тысячелетий. Так, например, такая форма чувствования и поведения, как зависть, в большинстве современных культур оценивается как нечто негативное. Но Гельмут Шёк в своей монографии [Шёк, 2008] указывает, что зависть может играть и положительную роль – когда более или менее значительная общность людей испытывает чувство зависти к определенному лицу, группе лиц или другому весьма значительному социуму, например к народу, государству, в котором общенациональный или групповой уровень благосостояния выше, чем у социума завистников, т. к., по мнению Шёка, зависть сплачивает коллектив завистников, повышает уровень их солидарности, снижая в то же время их взаимную антипатию. Поэтому, например, оценка зависти как морально-психологического и социального явления совершенно релятивна и зависит от конкретной ситуации, в которой это явление анализируется.

Точно так же условными являются единицы измерения длины, веса и других величин, которыми пользуются и в науке, и в экономике, и в повседневной жизни. Так, например, для определения длины пользуются такими измерительными единицами как метр и фут, а для измерения веса – килограмм и фунт и т. д. Предпочтение, отдаваемое

каждой из подобных измерительных единиц, определяется историко-культурной традицией, но поскольку существуют справочники и переводчики различных метрических величин, то никаких сложностей в получении объективной и корректно сопоставимой информации об измеряемых объектах не возникает. Все приведенные примеры иллюстрируют простую и, на мой взгляд, совершенно очевидную вещь, а именно, что концептуальный релятивизм не создает каких-либо серьезных препятствий для понимания, описания и предметно-практической деятельности как в объективной реальности, так и в реальности духовной.

Релятивизм, таким образом, представляет собой систему взглядов, принципов, соглашений, договоренностей, убеждений, облаченных в некую теоретическую форму, утверждающих, что при оценке того или иного явления или процесса, а также при выборе предпочтительных решений, относящихся к данному явлению или процессу, можно исходить из различных доминирующих критериев, руководствуясь максимальной выгодностью или максимальным удобством, или наибольшей привычностью, или предельной эффективностью, или возможностью достичь наилучшего результата с минимальной затратой материальных или интеллектуальных ресурсов. При этом на индивидуальном или групповом уровне лица, принимающие решения и дающие оценку той иной ситуации, могут руководствоваться либо сугубо личными предпочтениями, либо групповыми интересами и выгодами. Такое понимание релятивизма дает основание для обвинения его в субъективизме. Я готов согласиться с этим обвинением с тем существенным добавлением, что большинство решений и оценок как индивидуального, так и группового уровня, если не целиком, то в значительной своей части принимаются на основе субъективных мотивировок, которые имеют под собой авторитет силы, выгоды, максимизации удовольствий, или более или менее полной эмпирической подтверждаемости. Такая интерпретация релятивизма отнюдь не исключает объективных оснований наших решений и действий, но лишь подчеркивает, что элементы релятивизма присутствуют в нашем познании и предметно-практической деятельности почти во всех формах их реализации. Поэтому я считаю, что релятивизм, понимаемый в широком философском, общемировоззренческом и в методологическом смысле, подлежит реабилитации, так как он, ко всему прочему, открывает больше перспектив для реализации актов свободной воли и для всех видов творчества в интеллектуальной и индивидуально-личностной форме.

В заключение я считаю полезным вернуться к вопросу о статусе релятивизма в науке и научно-исследовательской деятельности. В современном целостном человеческом мире все большее значение приобретает изучение этносов, анализ межэтнических отноше-

ний, исследований демографических параметров, характеризующих развитие и некоторые количественные характеристики жизнедеятельности народонаселения той или иной территории. В силу этого можно наблюдать пересечение предметов исследования таких наук, как этнография, демография и география. Упрощенно, схематически речь может идти о некотором пересечении и частичном совпадении предметов исследования разных наук и возникновении нового комплекса научных знаний, который я совершенно условно назвал бы геоэтнодемографией. Если бы такое понятие утвердилось и стало бы общепринятым в том или ином сообществе специалистов, то можно было бы сказать, что мы присутствовали бы при зарождении и формировании нового эпистемологического квадрата. В его компонентах, которые выше были обозначены символами Т, П, Ф и М более или менее полное отображение нашли методы, эмпирические данные, теоретические структуры и проблемы «базовых» дисциплин. Такого рода процессы в науке имели место не раз. Иногда они занимали довольно продолжительные промежутки времени, но, в конечном счете, заняли свое законное место в системе классификации наук. Иллюстративным примером могла бы служить стоматология, в которой нашли свое место знания таких далеко стоящих друг от друга дисциплин, как анестезиология, материаловедение и даже инженерные дисциплины, находящие применение при изготовлении механических устройств для исправления неправильного зубного прикуса и зубных протезов.

Вполне естественно, что такие гибридные дисциплины пользуются различными критериями, количественными и качественными индикаторами. Поэтому релятивизм в их выборе в качестве оценочных критериев вполне естественен и не лишен даже ценностных эстетических элементов.

Философская эпистемология на протяжении многих десятилетий складывалась в основном на базе эпистемических проблем математики, естествознания, инженерно-технологических дисциплин. Эпистемологии социально-гуманитарного знания уделялось несопоставимо меньше внимания. А между тем именно в сфере социально-гуманитарных наук и исследований релятивизм в оценке тех или иных проблем, методов решения теоретических и эмпирических задач находил и находит довольно широкое применение. Поэтому я думаю, что его реабилитация в качестве вполне законной, эффективной философской концепции является достаточно назревшей задачей.

Список литературы

Касавин, Сокулер, 1989 – *Касавин И.Т., Сокулер З.А.* Рациональность в познании и практике. М.: Наука, 1989. 192 с.

- Лекторский, 2015 – *Лекторский В.С.* Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. 392 с.
- Мамчур, 2004 – *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм. М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.
- Микешина, 2004 – *Микешина Л.А.* Релятивизм как эпистемологическая проблема // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки.* 2004. Т. 1. № 1. С. 53–63.
- Пазенок, 1982 – *Пазенок В.С.* Апология аморализма: критический очерк буржуазного этического релятивизма. М.: Мысль, 1982. 231 с.
- Поппер, 1992 – *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 2. М.: Феникс, Международ. фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
- Порус, 1999 – *Порус В.Н.* Парадоксальная рациональность // *Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1.* М., 1999. С. 338–339.
- Ракитов, 2016 – *Ракитов А.И.* Эпистемология социально-гуманитарных наук // *Вопр. философии.* 2016. № 9. С. 63–71.
- Степин, 2000 – *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Наука, 2000. 744 с.
- Труфанов, 2013 – *Труфанов Д.О.* Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем. Постнеклассический (универсумный) подход. Красноярск: СФУ, 2013. 124 с.
- Шёк, 2008 – *Шёк Г.* Зависть: теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2008. 544 с.
- Boghossian, 2010 – *Boghossian P.* What is Relativism? // *Truth and Realism.* Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 13–37.

References

- Boghossian P. “What is Relativism?”, *Truth and Realism.* Oxford: Clarendon Press, 2006, pp. 13–37.
- Kasavin, I.T. Sokuler, Z.A. *Racional'nost' v poznanii i praktike* [Rationality in knowledge and practice]. Moscow: Nauka, 1989. 192 pp. (In Russian)
- Lektorskiy V.A. *Relyativizm kak bolezn' sovremennoy filosofii* [Relativism as a malady of modern philosophy]. Moscow: Kanon+, ROOI “Reabilitaciya”, 2015. 392 pp. (In Russian)
- Mamchur E.A. *Ob'ektivnost' nauki i relyativizm* [The objectivity of science and relativism]. Moscow: IFRAN, 2004. 242 pp. (In Russian)
- Mikeshina L.A. “Relyativizm kak epistemologicheskaya problema” [Relativism as an epistemological problem], in: *Epistemology and philosophy of science*, 2004, vol. 1, no. 1. pp. 53–63. (In Russian)
- Pazenok V.S. *Apologiya amoralizma: kriticheskiy ocherk burzhuaznogo eticheskogo relyativizma* [The Apology of amorality: a critical essay of bourgeois ethical relativism]. Moscow: Mysl', 1982. 231 pp. (In Russian)
- Popper K.R. *Otkrytoe obschestvo i ego vragi.* [The Open Society and Its Enemies. Vol. 2.]. Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa», 1992. 528 pp. (In Russian)
- Porus V.N. “Paradoksal'naya racional'nost'” [Paradoxical Rationality], in: *Racional'nost' na pereput'e.* [Rationality at the Crossroads. Book 1]. Moscow: ROSSPEN, 1999, pp. 338–339. (In Russian)

Rakitov A.I. “Epistemologiya social’no-gumanitarnykh nauk” [Epistemology of the Social Sciences and Humanities], in: *Voprosy filosofii*, 2016, no. 9, pp. 63–71. (In Russian)

Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Nauka, 2000. 744 pp. (In Russian)

Trufanov D.O. *Racional’nost’ kak fundamental’naya kharakteristika social’nykh sistem. Postneklassicheskiy (universumnyy) podkhod* [Rationality as a fundamental characteristic of social systems. Post-nonclassical (Universum) approach]. Krasnoyarsk: SFU, 2013. 124 pp. (In Russian)

Schoek H. *Zavist’: teoriya social’nogo povedeniya* [Envy: A Theory of Social Behaviour]. Moscow: IRISEN, 2008. 544 pp. (In Russian)